

Что же до фактов, их источники для мифолога обычно ограничиваются школьным, гимназическим, в лучшем случае — вузовским учебником. На короткий срок такая позиция очень выигрышна, ибо ставит читателя на одну доску с автором. Читатель польщён, что известный учёный (вариант: непризнанный гений) знает не больше меня и оперирует моей же логикой. Кто, читая Дюма или Мериме, не представлял себя на месте не только д'Артаньяна, но и Генриха IV или Маргариты Наваррской? Но это — успех одного дня, успех публициста. Ведь и общественная психология меняется. И тот же миф, который сводил с ума читателей, допустим, 1900 года, мог оказаться уже никому не нужным в 1950 году.

VI.2.5. А синергетика тут при чём?

Наконец, какое отношение имеет к Мифу синергетика, вокруг которой разгораются жаркие споры именно на эту тему? Синергетика не является научной дисциплиной в строгом смысле слова, так как у неё нет ни особого класса объектов, которые изучала бы она и только она, ни собственных экспериментальных методов. Четыре десятилетия назад она возникла как методология, позволяющая описывать *в целом* поведение объектов, недоступных (временно или принципиально) традиционным способам изучения. Эти объекты она рассматривает как системы, элементы которых — «чёрные ящики» в кибернетическом смысле: мы не знаем, что происходит внутри них, нам известны лишь сигналы на входе и выходе. Эти элементы рассматриваются как весьма простые, их внутренняя сложность не проявляется во взаимодействии, иначе никакой упорядоченности не возникает (Лоскутов, Михайлов 1990: 5). Основные категории синергетики — порядок и хаос, устойчивая неравновесность, ритмы, аттракторы (притягивающие состояния, к которым система стремится в силу внутренне присущей ей закономерности) и др.

Всё это заметно сближает синергетику с мифологическим стилем мышления, даже с архаическим (см.: Мосионжик 2003: 8—9). Не раз отмечены параллели между идеями синергетики и философией даосизма. Поэтому «новая наука» оказалась очень привлекательна для творцов новых мифологий. С. П. Капица, С. П. Курдюмов и Г. Г. Малинецкий (1997, раздел «*Междисциплинарные страсти*») вспоминали, как им приходилось объяснять бессмысленность «синергетики секса» и попытки получить с её помощью «главный принцип эзотерического знания». Но гораздо опаснее попытки современных мифотворцев с помощью синергетики придать научный вид своим мистическим построениям.

А. П. Назаретян с тревогой спрашивал: «Может ли математика работать на миф?»⁹². Увы, может — это мы и видели у Л. Н. Гумилёва, чарам которого поддались даже такие крупнейшие математики, как С. П. Капица, С. П. Курдюмов и Г. Г. Малинецкий. Ведь математика безразлична к тому, что именно она подсчитывает, это самая абстрактная из всех наук. Вспомним средневековый схоластический спор: сколько ангелов помещается на кончике иглы? Мифологичность этого вопроса заключается в объекте подсчёта, а не в методах, которые могут быть и самими современными. Разве в наши дни астрологи не составляют свои гороскопы на компьютерах?

---

⁹² Конференция «Процессы самоорганизации в Универсальной Истории», Белгород, 2004 г. Запись от 1 октября.

Больше того, основатель антропософии Рудольф Штейнер заметил любопытный парадокс: вся математика содержится только в нас самих, её объекты — чистые абстракции (ну не бывает в природе двух совершенно одинаковых единиц!), и тем не менее с помощью этого предельно отвлечённого знания о собственном логическом аппарате мы можем нечто понять и в окружающей реальности. «И научную достоверность мы ощущаем лишь в той степени, в которой способны сплести воедино (*verweben*) нечто являющееся таким исключительно *внутренним*, человеческим познанием, внутренним человеческим переживанием, как математика, — сплести это воедино с тем, что дают нам наблюдение и эксперимент. <...> занимаясь математикой, мы имеем дело исключительно с нашим собственным душевным, остаёмся, так сказать, совершенно внутри себя» (Штейнер 2004 {1922}: 121). Именно этим автор обосновывал научный статус антропософии — мистического познания сверхчувственного. Почему бы тогда математике не работать и на миф?

Академик РАН С.П. Новиков, математик, в прошлом один из учителей А.Т. Фоменко, в этой связи замечает:

«За последние 25 лет я неоднократно наблюдал случаи, когда доказывалась какая-то чушь (например, что человек усваивает азот прямо из воздуха, не говоря уже о разных нелепых теориях в астрофизике и т.д.), — и всякий раз тут оказывался свой матстатистик, который давал научную базу с помощью “умной” статистической терминологии. К сожалению, дважды на моей памяти это были мои коллеги, вероятностники и статистики из Института Стеклова. Статистика — такая вещь, что если засунуть правильно сделанные данные, то и получишь что надо — был бы интерес» (Новиков 1997).

Следует ожидать появления всё новых концепций, в которых мифологическое содержание будет прикрыто синергетической фразеологией. Примеры такого рода уже есть (см. краткий обзор: Мосионжик 2003, глава 4). Поэтому серьёзным учёным, работающим в этой сфере, придётся усиленно следить за порядком в своих рядах.

В 1973 г. классик постмодернистской антропологии Клиффорд Гирц писал, явно имея в виду и синергетику:

«В книге “Философия в новом ключе” Сьюзен Лангер (*Langer S. Philosophy in a New Key*) пишет о том, что некоторые идеи с удивительной быстротой распространяются в интеллектуальной среде. Они одновременно решают столько фундаментальных проблем, что создаётся впечатление, будто они могут решить все проблемы, сделать понятными все непрояснённые вопросы. Их все сразу подхватывают, видя в них ключ к новой абсолютной науке, концептуальный центр, вокруг которого можно построить всеобъемлющую систему анализа. Неожиданная мода на такую *grande idée*, вытесняющая на время все другие идеи, рождается, пишет она, благодаря тому, что “активно работающие и восприимчивые к новому умы сразу начинают её изучать. Мы пытаемся примерить её ко всему, в связи со всем, экспериментируем со всеми возможными приложениями её непосредственного значения, со всеми следующими из неё обобщениями и со всеми оттенками её смысла”.

Однако как только мы уже освоились с новой идеей и она вошла в обиход расхожих теоретических концепций, наши ожидания уравниваются её реальным практическим значением, и наступает конец её чрезмерной популярности. Всегда остаётся несколько энтузиастов, по-прежнему видящих в ней ключ ко всем тайнам Вселенной, но более спокойные мыслители привязывают её уже лишь к тому комплексу проблем, решению которых эта идея действительно может способствовать. Они стараются применять её лишь там, где

она действительно должна найти применение, и не связывают её с тем, к чему она не имеет отношения. Если эта идея действительно плодотворная, она надолго и прочно входит в наш интеллектуальный арсенал. Но у неё уже нет былого налёта величия, всеохватывающего масштаба, бесконечной универсальности её возможного применения. Второе начало термодинамики, закон естественного отбора, принцип бессознательной мотивации, организация средств производства — эти идеи не объясняют всего и даже всего, связанного с человеком, но кое-что они всё же объясняют; и мы должны выделить то, к чему они действительно имеют отношение, и откеститься от псевдонауки, которую на первых порах они породили» (Гирц 1997: 171—172).

VI.3. Происхождение и виды расизма: наука против лженауки — или в союзе с ней?

Несмотря на прямые указания, рассыпанные по тексту Л. Н. Гумилёва, неискушённый читатель не всегда замечает расистский смысл его концепции. Мы привыкли понимать под расизмом его самую грубую и легко заметную форму — учение о неравноценности людей и наций, физические различия между которыми видны простым глазом (например, между белыми и чёрными). Такой расизм (назовём его **физико-антропологическим** или даже **биологическим**) характерен для колоний или бывших колоний, в США его впервые теоретически обосновал Джошуа Нотт, антрополог из Нового Орлеана. Но такой вариант не прижился в Европе — по крайней мере, в тех её странах, для которых колониальный вопрос был второстепенным или не вставал вообще. Здесь не было тех проблем, на решение которых мог бы претендовать биологический расизм: ведь в морфологическом смысле население Европы довольно однородно. И даже плотность расселения блондинов или брюнетов мало связана с этническими стереотипами. Автору этих строк в 2002 г. на конференции в Красичине (Польша) довелось услышать от одного из участников: в Свентокшиских горах (близ Кельце) наконец-то обнаружена популяция крестьян, полностью соответствующая славянскому типу! А какому же типу тогда соответствуют остальные поляки? Да и не только они? Но в таком случае почему надо считать, что только этот редкостный тип — именно «славянский», а все остальные — нет?

Поэтому европейский расизм принял более тонкую форму — назовём её **психологической**. Для него раса — это группа людей с характерными стереотипами поведения (психологическим типом, или, как сейчас говорят, «психотипом»), причём предполагается, что этот признак наследственно закреплён (Гумилёв 1990: 51). До 1945 г. его как-то пытались увязывать с физическими признаками — например, с формой черепа. Однако даже многочисленные измерения, проведённые О. Аммонном или Ж. В. де Ляпужем (последний собрал данные на 20 тысяч человек), не позволили получить хоть сколько-нибудь внятные и недвусмысленные результаты. Мало того, исследования немецких антропологов конца XIX в. показали, что среди немецких евреев процент блондинов оказался не ниже, чем среди самих немцев: «Так, среди еврейских детей блондинов оказалось 11 %, а жители Пруссии были чаще белокуроыми, чем население Баварии» (Колчинский 2007: 125). В 1920-е годы профессор К. В. Мюллер — член СДПГ, склонный к расизму, — обнаружил, что «среди лидеров СДПГ 54 % — блондины, а среди руководителей профсоюзов текстильщиков их доля ещё выше — 75—80 %» (там же: 340). А ведь речь идёт о левых движениях,